

Малая родина в пространстве гражданской идентичности

В. Х. Тхакахов✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉atalik7@yandex.ru

Введение. В статье анализируются место, роль и функции концепта малой родины в конструировании гражданской идентичности. В исследовании исходным является понимание малой родины как совокупности представлений и практик сопринадлежности индивидов и групп к пространству места рождения, происхождения и первичной социализации. Малая родина – это то, что чувственно-эмоционально и практически объединяет граждан в их лояльной привязанности к месту – физическому и символическому. Цель исследования – выявить роль утраты малой родины в функционировании и воспроизводстве гражданской идентичности места.

Методология и источники. С опорой на общую концепцию пространства мест (А. Лефевр, М. Кастельс, Т. Крессвелл, М. Оже), теорию культурной травмы П. Штомпки и идеи структурной схематизации малой родины А. О. Бороноева впервые представлен социологический анализ проблемы утраты малой родины в результате принудительных переселений (кейс затопленных территорий). В качестве релевантных источников автор опирался на документы и мемуарную литературу, посвященную феномену утраты малой родины; воспоминания очевидцев, а также на художественную рефлексию прощания с местом рождения.

Результаты и обсуждение. В результате проведенного исследования показано, что утрата малой родины детерминирует: а) разрыв социальных и культурных связей; б) появление низовой самоорганизации активистов-мологжан, которые заново конструируют гражданскую городскую идентичность (кейс Мологи); в) производство коммеморативных практик регулярного типа (кейсы Мологи и черкесских аулов); г) активное формирование культурного дискурса, в котором малая родина места позиционируется как субъективная ценность и одно из оснований жизненного мира.

Заключение. Малая родина как представление и социальная практика в пространстве гражданской идентичности обеспечивает посредством своих агентов воспроизводство социального взаимодействия (реального или воображаемого) с местом и поддержание социокультурных связей с ним в рамках природного и культурного ландшафта сообществ; способствует узнаванию, подтверждению идентичности места. Утрата малой родины (физическая и символическая) порождает различные социальные практики – памяти, возрождения, забвения.

Ключевые слова: малая родина, гражданская идентичность, утрата, культурная травма, социальное пространство, затопленные поселения, Молога, черкесские аулы.

Для цитирования: Тхакахов В. Х. Малая родина в пространстве гражданской идентичности // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 6. С. 83–96. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-83-96

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-011-00742 «Феномен малой родины и его место в конструировании социально-культурных символов и ценностей гражданской идентичности»).

© Тхакахов В. Х., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 27.09.2021; принята после рецензирования 20.10.2021; опубликована онлайн 24.12.2021

Small Homeland in the Context (Space) of Civil Identity

Valeriy Kh. Thakahov✉

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉atalik7@yandex.ru

Introduction. The article analyzes the place, role and functions of the concept of a small homeland in the construction of civil identity. The starting point of the study is the understanding of a small homeland as a set of ideas and practices of the belonging of individuals and groups to the space of the place of birth, origin and primary socialization. A small homeland is what emotionally and practically unites citizens in their loyal affection to the place – physical and symbolic.

Methodology and sources. Based on the general concept of the space of places (A. Lefebvre, M. Castells, T. Cresswell, M. Auger); P. Shtompka's theory of cultural trauma and A.O. Boronoev's ideas of structural schematization of a small homeland, it is originally presented a sociological analysis of the problem of the loss of a small homeland as a result of forced relocations (the case of flooded areas). As relevant sources the author use the documents and memoirs on the phenomenon of the loss of a small homeland; also on memories of eyewitnesses, and on artistic reflection of farewell to the place of birth. The purpose of the study is to identify the role of the loss of a small homeland in the functioning and reproduction of the civic identity of the place.

Results and discussion. As a result of the study it has been shown that the loss of a small homeland determines: a) the rupture of social and cultural ties; b) the emergence of grassroots self-organization of Mologzhan activists who are re-constructing civic urban identity; c) production of commemorative practices of a regular type (cases of Mologa and Circassian auls); d) active formation of cultural discourse in which the small homeland of the place is positioned as a subjective value and one of the foundations of the life world.

Conclusion. A small homeland as a representation and social practice in the space of civic identity ensures through its agents the reproduction of social interaction (real or imaginary) with a place and the maintenance of socio-cultural ties with it within the natural and cultural landscape of communities. It also promotes recognition, confirmation of the identity of the place. The loss of a small homeland (physical and symbolic) gives rise to various social practices of memory, rebirth and oblivion.

Key words: small homeland, civic identity, loss, cultural trauma, social space, flooded settlements, Mologa, Circassian auls.

For citation: Thakahov V. Kh. Small Homeland in the Context (Space) of Civil Identity. DISCOURSE. 2021. Vol. 7, no. 6, pp. 83–96. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-83-96 (Russia).

Source of financing: The work was supported by a grant from the Russian Foundation for Fundamental Research (project № 20-011-00742 "The phenomenon of small homeland and its place in the construction of socio-cultural symbols and values of civic identity").

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 27.09.2021; adopted after review 20.10.2021; published online 24.12.2021

Я сердцем чувствую и знаю,
Кто оборвал из детства нить,
Кто охладел к родному краю,
Не может Родину любить!

С. А. Ершов

Введение. Малая родина! Практически нет человека, который не был бы знаком с этим словосочетанием – рефлексивно и чувственно-эмоционально. Место, где он родился. Место, откуда родом его родители, бабушки и дедушки; его фамилия и род. Место его детства и юности, социализации. Место, в котором он прожил всю жизнь или когда-то покинул и в которое периодически возвращается – физически и ментально. Даже если человек в силу обстоятельств никогда не был в таком месте, но ему о нем рассказывали или же он сам о нем узнал, очевидно, у него мог сложиться определенный образ места. Верно и то, что он мог забыть, вытеснить из памяти образ родины и воспоминания о ней. Именно о таких в русской литературе писали, как об «Иванах, не помнящих родства». Иначе говоря, привязанность к месту или ее отсутствие – качество, которое приобретается или же утрачивается.

Лингвистически и этимологически слова и термины «род», «родня», «„родина”» – место рождения» в русском языке одного корня и происхождения [1, с. 208]. Слова «малая родина» прочно вошли во многие языки мира. Например, в английском это «small homeland» и близкие ему по смыслу «homeland», «motherland», «birthplace»; в немецком – «kleine Heimat» (и соответственно «die Heimat», «Heimat land»); во французском – «petite patrie» («patrie»/«родина»); в латинском – «parvum patria» («patriam»/«родина»); в итальянском – «piccola patria» («patria»/«родина»); в шведском – «litet hemland» («hemland»/«родина»); в нидерландском – «kleine vaderland», «kleine thuisland» / «малое отечество», «малая родина» («vaderland»/«родная страна»); в венгерском – «kiz haza» («haza»/«родина»); в хорватском и боснийском – «mala domovina» («domovina»/«родина»); в болгарском – «малка родина» («роден край»/«родина»); в финском – «pieni Kotimaa» («kotimaa»/«родная страна»); в корсиканском – «piccula patria» («patria»/«родная страна»); в казахском – «кішкентай Отан» / «малая родина») [2] и др.

В социальной науке интерес к понятию малой родины возник относительно недавно, хотя в художественной и мемуарной литературе, краеведении он присутствует достаточно давно. Однако процесс концептуализации активно развивается [3]. Представляется актуальным и малоизученным рассмотрение феномена утраты малой родины и то, как данный процесс влияет на местную гражданскую идентичность. С точки зрения научной стратегии исследования релевантным является рассмотрение феномена малой родины не только в статике, но и в динамике. Наиболее показательно динамизм можно проследить на кейсах утраты малой родины. Утрата имеет как материальное (физическое), так и символическое выражения. Динамика утраты связана не только с тем, что когда-то существовало, развивалось определенное место, которое индивиды и группы считали родным, своей малой родиной, а затем оно исчезло или его «оторвали» от населявших его людей. Динамика определяется и последующими социальными практиками – как результат реакции на утраченное.

Методология и источники. В настоящем исследовании исходным является понимание малой родины как совокупности представлений и практик сопринадлежности индивида

и группы к пространству места рождения, происхождения и первичной социализации. Изучение феномена малой родины и определение ее места и роли в структуре гражданской идентичности базируется на общей концепции пространства мест, составными частями которой являются: а) теория производства пространства А. Лефевра [4]; б) теоретический подход М. Кастельса, обосновывающего переход в современную эпоху от пространства мест к пространству потоков [5]; в) гуманитарно-географическое видение пространства мест (Т. Cresswell и др.) [6]; г) концепция культурной травмы П. Штомпки [7]; д) структурная схематизация понятия малой родины А. О. Бороноева [3]. Содержательный и развернутый анализ концепции пространства мест в социальных науках представлен автором ранее [8]. В качестве релевантных источников автор опирался на документы и мемуарную литературу, посвященную феномену утраты малой родины; воспоминания очевидцев, а также на художественную рефлексию прощания с местом рождения.

В социальной реальности малая родина существует в двух ипостасях: как аналитическая категория и как категория практики. В первом случае она представляет инструментальный интерес для ученых различных направлений. В социологии это феноменологический, функциональный, формально-социологический, критический, интерпретативный, конструктивистский и иные подходы. Во втором случае – это все разнообразие ее практических воплощений: а) имплементация в систему школьного образования (уроки краеведения, встречи с известными людьми малой родины и т. п.); б) мемориальные мероприятия в родных местах; в) социально-проективная деятельность, в том числе благотворительная, связанная с солидарной помощью родным местам; г) формирование местных социальных движений, землячеств, связанных с возрождением, воспроизводством локальной идентичности, культуры и общности.

Результаты и обсуждение. Малая родина обычно сопрягается с определенной территорией и конкретным местом – реальным или воображаемым. В социальных науках место трактуется как способ познания и как вещь в мире [6, р. 18]. Иначе говоря, оно имеет основания – онтологическое (как реальный объект) и эпистемологическое (как способ видения и познания) [6, р. 23]. Если рассуждать в логике А. Лефевра, то можно утверждать, что феномен малой родины – порождение скорее абсолютного пространства, нежели абстрактного. По сути, это природное, «органическое» пространство. Оно хранитель гражданского единства и различных социальных связей. Социальная и культурная основы абстрактного пространства – это местные сообщества, различные первичные группы, соседства, практики социального взаимодействия, одним словом, это пространство репрезентации [4, с. 52–55]. По-прежнему «подавляющее большинство людей, как в развитых, так и в традиционных обществах, живут в конкретных местах и воспринимают свое пространство как пространство мест» [5, с. 394]. Последнее – это исторически укорененная организация нашего общего опыта, это мир значений и культурных кодов, связанных историей и идентичностью.

Не втягиваясь в обсуждение известных трактовок понятия гражданской идентичности (этатистских, психологических, конструктивистских и др.), констатируем авторскую позицию по проблеме. В настоящем исследовании исходной является ориентация на научную традицию, которая определяет данное понятие как форму неполитической сопринадлежности и активности членов гражданского общества [9–14]. Гражданская идентичность –

это сопринадлежность индивидов и групп к обществу и сообществу, функционирующих на различных уровнях – мировом («гражданин мира»), общенациональном, региональном и территориально-локальном (местном). Нас преимущественно интересует последний уровень. Для символизации и узнавания данного типа принадлежности, для отражения ее связи с местом было изобретено понятие малой родины. Гражданская идентичность места опирается на локальные символы и ценности; на производство социальных практик, демонстрирующих и закрепляющих определенное отношение к малой родине – патриотизм, ностальгию, познание, солидарную помощь местам, коммеморативные практики. Малая родина символизирует обобщенное отношение к определенному месту – рождения, социализации, к корням своей культуры, традиции и сообществам. Малая родина посредством своих носителей (агентов, производящих дискурс и социальные практики) выполняет функцию социального взаимодействия (реального или воображаемого) с местом.

В рамках данной статьи назовем и выделим три ключевых примера, возникших в результате утраты малой родины, но сконцентрируемся только на первом из них. Отметим, что тема утраты родины (малой, большой) – это огромный нарратив в различных жанрах художественной литературы, искусства, истории, философии и в меньшей степени – в социологии, за исключением изучения жизненных историй. Итак, нас интересуют три кейса:

1. Малые родины мест, которых уже нет: социальная гидрография пространства.
2. Малые родины депортированных народов: тоска, возвращение, мемориализация.
3. Малые родины эмигрантов: воображение отечества.

В первом случае утраченные малые родины – это места без людей, сообществ; это места, покинутые добровольно или принудительно. Это места, от которых остались одни воспоминания, руины или просто прах. В данном случае речь идет о физической утрате родины предков в результате переселений. Мировых примеров подобного рода огромное количество. Но не все они стали предметом рефлексии, документирования и компенсации. Проблема утраты места проживания заставила ООН в 2014 г. принять специальный документ «Принудительные выселения» [15]. В истории различных стран, обществ, территорий подобная практика была известна задолго до появления ООН и ее экспертных заключений. «Принудительное выселение, – утверждает в вышеназванном документе, – имеет место в различных частях мира – как в развивающихся, так и в развитых странах, идет ли речь о процессе развития, чрезвычайной ситуации или восстановления» [15, с. 1]. Эксперты ООН собрали, проанализировали и систематизировали эмпирическое разнообразие выселений и переселений, определив их ключевые элементы, виды и последствия, к которым приводит данный социальный процесс. Хотя основная категория документа [15, с. 5] классифицирована в правовом ключе (с точки зрения прав человека), в нем можно найти и более широкий перечень, и ракурс дефиниций. «Передвижения населения, массовое выселение, этнические чистки или аналогичные виды практики, которые меняют этнический, религиозный или расовый состав населения, коллективные наказания или иная практика, связанная с насильственным и недобровольным выселением людей из их домов, с их земель или из их общин, также представляют собой принудительные выселения» [15, с. 15].

В настоящем целевом исследовании у нас нет возможности представить глобальный ракурс проблемы, поэтому сконцентрируемся на отечественных примерах. В первую очередь

это места, утраченные в результате переселений, продиктованных государственной (в том числе ведомственной) необходимостью. Утрата также может быть связана с территориальной миграцией населения (из села в город, между городами, регионами и даже странами). Отсюда депопуляция одних мест и сверхконцентрация в других. Крупнейшими формами принудительных выселений и переселений являются массовая депортация народов и эмиграция в результате войн, революций и иных масштабных социальных изменений. Особое положение среди утраченных мест занимают затопленные поселения, феномен которых изучен в социальных науках, на наш взгляд, еще недостаточно. Фактологическая сторона вопроса – это все, что связано:

а) с «Русской Атлантидой» – поселениями на Верхней Волге, на месте которых образовались Рыбинское водохранилище и иные водные объекты;

б) с населенными пунктами в Сибири, расселенными и затопленными в период советской модернизации при возведении Братской ГЭС, Усть-Илимской ГЭС и устройстве одноименного водохранилища и др.;

в) с группой черкесских аулов и казачьих станиц, затопленных при создании Кубанского водохранилища.

Практика переселений советского периода охватывала различные регионы страны. Наиболее масштабные и известные – по течению великой русской реки Волги, на Каме (Волго-Камский каскад плотин); на Ангаре в Сибири; в Самарской области; на юге России. При этом в зону затопления попадали исторически обжитые территории (особенно в центральной России) со старинными городами, храмами, монастырями; налаженными традициями городского и сельскохозяйственного производства и социальной жизни. «Под воду ушли тысячи деревень и сел, исчезли города – тверская Корчева, ярославская Молога, Самарский Ставрополь-на-Волге. Всего при сооружении Волго-Камского каскада плотин затоплено, подтоплено, разрушено и перенесено 2 500 сел и деревень, в которых было 126 тыс. дворов; 96 городов, промысловых посадов, слобод, поселков с 30-ю тысячами строений. Было переселено около 700 тыс. человек. Утрачены тысячи памятников истории и культуры» [16, с. 3]. Визуальная репрезентация утрат представлена, в частности, в фотоальбоме – путеводителе по затопленным городам Верхней Волги. Ключевых затопленных городов девять: Корчева, Калязин, Углич, Мышкин, Молога, Рыбинск, Пошехонье, Череповец, Весьегонск [17].

Одним из главных феноменов, представляющих социологический интерес, является кейс Мологи. На его примере содержательно прослеживаются социальная и культурная травма, которую испытали и пережили переселенцы; процесс формирования коллективной памяти очевидцев и их потомков и, наконец, возрождение, функционирование и воспроизводство в постсоветское время сопринадлежности к сообществу мологжан. Последняя – это составная часть гражданской идентичности индивидов, разделяющих общие представления, чувства, эмоции и объединенных общими социальными практиками вокруг своей малой родины. Процесс институционализации памяти и конструирования идентичности мологжан начался в конце семидесятых годов XX в. преимущественно в Рыбинске как центре концентрации переселенцев Мологского края. В 1978 г. было официально зарегистрировано Землячество мологжан (полное название – «Общественная организация Ярославской области „Землячество мологжан”» [18, с. 416–417]. Изобретены были, но уже в

постсоветское время, и различные коммеморативные практики: а) учрежден День памяти Мологи (14 апреля); б) утверждена ежегодная встреча земляков (вторая суббота августа). «Отдельный и наиболее важный пункт программы, – отмечает А. С. Клопов, – поездка на теплоходе к затопленной Мологе, где проходят панихиды по усопшим мологжанам, могилы которых остались на дне водохранилища. В такие моменты остро переживается чувство малой родины, что очень объединяет» [18, с. 417]; в) восстановлен ликвидированный в 1936 г. музей Мологского края (1995, Рыбинск), который является центром воспроизводства идентичности мологжан как практической категории. Здесь развернуты специальные экспозиции по истории Мологского края; виртуальная выставка «Виды города Мологи»; функционирует интерактивный музей с 3D-визуализацией «Затопленные святыни Мологского края» (поддержан в рамках Президентского гранта); в проекте практически участвуют энтузиасты, местная администрация, дайверы, члены Русского географического общества [19, 20].

За долгие годы формирования гражданской идентичности мологжан (а ядром его агентской структуры несомненно является местная культурная элита, к которой в последние, уже постсоветские, годы присоединилась и административная элита Рыбинска и Ярославской области) изыскания в этой сфере развивались и в краеведческом, и в историческом, и в мемуарно-биографическом и даже в художественном направлениях. Не только в прозе, но и в поэзии, в песенном творчестве [21, 22].

Понятно, что художественное воображение города как малой родины и различные воспоминания о нем адресованы современникам, тем, кто разделяет сходные чувства и эмоции, связанные с утратой родного пространства места, где ностальгия, как писал по поводу этнической идентичности Э. Смит, анализируя концепцию Дж. Армстронга, составляет ключевой элемент ментальных установок членов сообщества [23, с. 335]. При этом речь идет о втором типе ностальгии по утраченному «золотому веку», которая связана с территориальной, а не кочевой социальной организацией. Тема ностальгии проходит красной нитью через большинство воспоминаний, нарративов, посвященных Мологе и одноименному краю.

Здесь еще важно иметь в виду, что мологжане – часть русского этноса, к которым применимы основные характеристики этнической общности. «Символы, а также гербы, гимны, праздники, места проживания, обычаи, языковые коды, святыне места и т. п., – пишет Э. Смит, – были мощными дифференциальными элементами и напоминаниями об уникальной культуре и судьбе этнического сообщества. Таковыми были и общие воспоминания об основных событиях и эпохах в истории сообщества: воспоминания об освобождении, переселении, золотом веке (или веках), победах и поражениях, героях, святых и мудрецах» [23, с. 349]. В качестве основополагающих элементов этнической общности, которые формируют ее идентичность, Э. Смит считает необходимым выделять «общее имя, миф о происхождении, исторические воспоминания, общие культурные факторы, связь с родиной и (частично) коллективные чувства» [Там же].

Социологическое восприятие рассматриваемой проблемы и ее анализ в отличие от истории, экономики или технических наук не подразумевает углубление в фактологические подробности переселений, в баланс выгод и издержек, а также в индустриально-технологические преимущества новых гидротехнических сооружений. Социологию интересуют

человеческое измерение произошедшего, характер его восприятия и переживания через призму жизненных историй, мемуарной литературы и иных источников. Практически большинство материалов такого рода, которые нам удалось изучить, во-первых, оценивают в основном отрицательно процесс принудительного переселения из родных мест. Во-вторых, можно утверждать, что переселения привели к разрыву социальных связей и конфликту поколений (между старшими, которые были «против», и молодыми, которые более лояльно отнеслись к переменам). «В годы переселения, – вспоминает Ю. А. Нестеров, – мологжане как-то сразу потеряли друг друга из вида: судьба не только разбросала их по разным уголкам необъятной России, но разобщила даже тех, кто осел на Слипе (район в г. Рыбинске, куда переселилась значительная часть мологжан. – *В. Т.*). На новом месте было порушено годами укоренившееся мологское соседство» [24, с. 348]. В-третьих, и, возможно, это ключевой аспект кейса Мологи – формирование «grassroots», низовой самоорганизации активистов-мологжан, которые стали «по кирпичику» восстанавливать, а по сути, заново строить здание идентичности мологжан: именно снизу, шаг за шагом, вовлекая и количественно и качественно ресурсы, агентов, попутно изобретая представления и практики по утраченной «Русской Атлантиде». Миф о Мологе стал составной частью идентичности.

Коллективное переживание утраты и приобщение к мифу способствует воспроизводству сопринадлежности и его трансляции молодым поколениям. При этом следует заметить, что по характеру и структуре данная разновидность идентичности имеет надтерриториальную базу – в других регионах и странах. Эпоха глобализации и развитие новых ИКТ существенно расширяет доступ к локальному контенту по теме, где бы ни находился пользователь. В современную эпоху глобализации, «когда наконец становятся мыслимыми единство и связность всего земного пространства за счет усиления крупных международных сетей, становится все громче голос всевозможных частностей: от тех, кто желает остаться один на своей земле, не деля ее ни с кем, до тех, кто желает найти себе родину; как если бы консерватизм первых и мессианство последних были принуждены говорить на одном и том же языке – языке земли и корней» [25, с. 41]. Согласимся с французским антропологом, который прозорливо подметил, что ничего еще не предрешено, что нет никакой линейности, предопределенности и окончательности в пользу одного-единственного проекта социальной жизни (как бы он ни назывался – неолиберальный, некоммунистический и т. п.), и пересмотр итогов модернизации периодически будет актуализироваться.

Примерно по такой же «рыбинской» схеме при создании Краснодарского водохранилища в семидесятых годах XX в. полностью были затоплены и физически исчезли одиннадцать аулов и поселков Адыгеи: Шаханчерихабль; Эдепсукай-1; Эдепсукай-2; Шабанохабль; Лакшукай; Ленинохабль; Старый Казанукай; Новый Казанукай; Нечерезий; Маяк; Кармалино [26, с. 11]. Жившие там были принудительно переселены в другие места, большинство – в Адыгейск и Тлюстенхабль. В материалах (экспертов, очевидцев, политической и культурной элиты региона), с которыми нам удалось ознакомиться, отрицательная оценка последствий переселения доминирует над преимуществами создания нового рукотворного объекта [26, 27]. Для целей нашего исследования важны воспоминания о событиях и суждения очевидцев из разных социальных страт адыгейского общества, имеющие социокультурное и культурно-психологическое измерения.

Печатные официальные и мемуарные материалы достаточно определенно фиксируют культурную травму, которую пережили и до сих пор переживают переселенцы и их потомки. Она, в частности, проявляется: а) в отрыве от опривыченного природного и культурного ландшафтов; б) разрыве социальных и культурных связей; в) проблеме культурно-психологической адаптации к новой социальной среде, местам и урбанизму; в первую очередь это затронуло старшее поколение переселенцев; г) сужении культурных источников сельской идентичности бжедугов Адыгеи. В одночасье селяне формально превратились в горожан. Плановое переселение больших социальных групп из села в город – типичный пример механической урбанизации. Не все индивиды и группы смогли адаптироваться к новой непривычной городской среде и к стесненным жилищным условиям на новом месте. «Вскоре после переселения в Адыгейск, – отмечает К. Мамиек, – умерло много стариков, которые не смогли приспособиться к новым условиям, на непривычном месте, уже даже не болезни, а тоска по родному крову уносила их в мир иной» [26, с. 5]. Об этом же пишет З. Мамий [26, с. 164].

Осознание утраты малой родины потребовало определенного исторического и социального времени. В советский период рефлексия не была четко акцентированной, легальной и практически ориентированной. Лишь постсоветская либерализация сформировала рамки культурного дискурса по поводу утраты. Уже понятно, что те, кто вынужден был покинуть родные места, участвует в этом дискурсе, их малая родина – это не абстрактное, а абсолютное пространство (в логике А. Лефевра), имеющее неинструментальную ценность. Значимость методов проекта модернизации, одной из частей которого было переселение, активно пересматривается. Дискурс ведется как на языке технико-экономических категорий, обосновывающих просчеты и издержки проекта, так и в терминах культурной идентичности.

Не обнаруживается корреляция между социальным статусом индивида и степенью приверженности ценностям своей малой родины. В мемуарной литературе, которую мы изучали, даже индивиды, достигшие успеха и известности в новых местах, твердо выражали ностальгию и сожаление по поводу утраты. Так дело обстояло и в случае с утратой Мологи, и в случае с черкесскими аулами Адыгеи. «Тропки памяти, – пишет К. Мамиек, – ведут меня вновь и вновь в незабываемый родной аул. Да и в снах своих часто вижу себя в аульской среде, хотя отчетливо понимаю, что по улице детства уже не пройти, что шорох трав и шелест листьев на яблоне-деревьях в родном дворе может только почудиться. Тишину росяных полей и лугов тоже не услышу. Очень больно, что на лике земли нет моего родного аула. Завидую по-доброму тем, у кого есть такая возможность: жить в родных местах или навещать их, чтобы поклониться той земле, на которой родился и жил...» [26, с. 9].

Утрата пространства мест, а они не что иное, как малые родины индивидов и групп, которых в добровольно-принудительном порядке выселили из родных мест и переселили, переживается и осмысливается на чувственно-эмоциональном и интеллектуальном уровнях. Особый вклад в процесс рефлексии внесла советская литература. Важно социологическое прочтение ключевых художественных текстов, которые в свое время стали резонансными, разбудили общественное сознание и до сих пор изучаются в средней школе.

«И опять наступила весна, своя в своем нескончаемом ряду, но последняя для Матеры, для острова и деревни, носящих одно название» – так начинается культовая повесть рус-

ского советского писателя В. Г. Распутина «Прощание с Матёрой» [28, с. 5]. Матера – сибирская деревня на Ангаре, в которой столетиями (в тексте писателя – 300 лет) жили различные поколения селян и которая, как и многие другие населенные пункты, попала в планы советской модернизации, предполагавшей затопление поселений и переселение жителей. Повесть В. Распутина написана в традициях русского критического реализма, в центре которого художественный анализ жизненных историй переселенцев, вынужденно покидающих родные места, свои малые родины. Писатель размышляет об этом процессе, его последствиях не только в «Прощании...», но и в более раннем очерке «Вниз и вверх по течению», написанном еще в 1972 г. В повести обозначены две истории – природная и социальная: три столетия социальной жизни местного сообщества, вписанного в природное течение времени и пространства, без кардинальных изменений модели взаимоотношений между экологией и людьми. «Прощание...» – это завершение двух историй в их традиционном виде – ликвидация привычного физико-географического окружения и социального пространства малой родины.

В повести В. Распутина процесс прощания включает в себя поэтапное социальное и символическое взаимодействие с объектами расставания (в социологическом смысле это даже не объекты, а равноправные участники, стороны социального обмена). В цепочке антропологии прощания – могилы родных и близких одной из главных героинь повести Дарьи; в месте рождения – родной дом (изба, которую необходимо подготовить к расставанию: пробелить, прибрать, а не просто закрыть, разобрать, сжечь); соседи и односельчане. Заметим, что во многих затапливаемых поселениях власти разрешали жителям разбирать свои деревянные дома и перевозить их в новые места. Однако это не было актом гуманизма. Подобную стратегию заставлял выбирать фактор обычной нехватки нового жилья при модернизации, переселениях.

Один из ключевых сюжетов повествования разворачивается на местном кладбище Матеры, куда Дарья пришла прощаться с родными, ушедшими из жизни. И она с ними разговаривает, спрашивает совета, «винится», одним словом, общается [28, с. 143–147]. На языке социологии это называется социальным взаимодействием. С точки зрения рационалистических (модернистских) теорий подобные действия обычно трактуются как пережитки, иррационализм, суеверия. Однако со времен Ч. Х. Кули (одного из основоположников символического интеракционизма) при анализе социальной реальности было принято проводить различия между физическим существованием/несуществованием объектов и их социальным бытием. Например, «телесно существующий человек социально нереален, если он никем не воображаем» [29, с. 94]. И, наоборот, телесно (физически) уже не существующие люди, герои, поскольку мы их воображаем, имеем представление о них, являются реальными членами общества и могут оказывать на нас определенное воздействие [29, с. 93]. В случае с Дарьей это в первую очередь моральное воздействие, связанное с чувством вины перед родными, которых она оставляет, с которыми она больше не сможет общаться, посещать их могилы, ухаживать за ними. Иными словами, это все то, что было связано в русской и иных культурах с антропологией рода и культом предков, которые модернизм пытался вытеснить из повседневной жизни, разрывая тем самым корни связей внутри сообществ, в том числе практики и чувство привязанности к месту. Жители Матеры готовятся покинуть свою малую родину и по-разному воспринимают данный процесс,

ту неопределенность, которая их ожидает в новых, чуждых местах. Особенно тяжело проходят данную стадию старшие поколения выселенцев, переживая и психологическую, и социокультурную травму.

Нельзя с определенностью утверждать, что различные поколения семей, принудительно утратившие свои малые родины, продолжали бы жить в родных местах, если бы выселения не произошло. Они могли бы переехать в другие города, регионы, страны. Известно, что специфика современной урбанизации и миграции характеризуется тем, что немалая часть людей не живет постоянно в местах своего рождения. Новая работа, получение образования, воссоединение семей, женитьба или замужество и сотни иных обстоятельств определяют миграционные стратегии. Однако речь идет о добровольных переселениях, когда индивиды сами определяют свою судьбу и жизненные траектории. Принуждение к переселению, физическое уничтожение или запустение родных мест создают длительные культурные травмы, которые наследуются поколениями.

Кейсы утраты малой родины, несмотря на их содержательные, временные и пространственные различия, объединяет одно – реакция на социальные изменения и переоценка ценностей.

Заключение. Феномен малой родины в пространстве гражданской идентичности занимает одно из ключевых положений. Малая родина посредством своих носителей – агентов, производящих представления и социальные практики – выполняет функцию социального взаимодействия (реального или воображаемого) с местом; обеспечивает связь с ним и является источником памяти о нем. Гражданская идентичность места опирается на локальные символы и ценности; на производство социальных практик, демонстрирующих и закрепляющих определенное отношение к малой родине – патриотизм, ностальгию, познание, воспитание, солидарную помощь, коммеморативные практики, социальные движения возрождения.

В результате проведенного исследования также показано:

а) утрата малой родины (как в физическом, так и в символическом смыслах) может детерминировать разрыв социальных и культурных связей (кейсы Мологи и черкесских аулов), а во временном интервале – конструирование низовой гражданской самоорганизации индивидов и групп, идентифицирующих себя с местами утраты;

б) переживание утраты формирует культурную травму поколений, независимо от социального статуса, этничности и социально-демографических характеристик переселенцев;

в) культурная травма проявляется в отрыве от опривыченных природного и культурного ландшафтов;

г) утрата и связанное с ней переселение из родных мест порождает проблему культурно-психологической и социальной адаптации к новой социальной среде, местам и урбанизму;

д) утрата сужает культурные источники сельской идентичности бжедугов Адыгеи;

е) возрождение и развитие идентичности на базе символов и ценностей малой родины не является всеобщим, а зависит от наличия гражданских движений идентичности в конкретных местах. В тех местах, где отсутствуют социальная база и практики возрождения, утрата малой родины и сами представления о ней остаются в основном в пространстве социальной и коллективной памяти, не переходя на уровень социальных практик.

Утрата опривыченных природного и культурного ландшафтов повышает социальные риски в условиях расширения пространства потоков. Дискурс малой родины и социальные практики, которые разворачиваются на его базе, могут способствовать защите и укреплению пространства мест как исторической среды обитания конкретных народов, сообществ и членов гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. II. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.
2. Google-переводчик. URL: <http://translate.google.com/> (дата обращения: 25.05.2021).
3. Бороноев А. О. Понятие малой родины: определение и содержание // Общество. Среда. Развитие. 2020. № 3. С. 60–66.
4. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика обществ и культура / пер. с англ. и под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУВШЭ, 2000.
6. Cresswell T. Place: An Introduction: 2nd ed. NY: Wiley-Blackwell, 2014.
7. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: Логос, 2010.
8. Бороноев А. О., Тхакахов В. Х. Концепция пространства мест в социальных науках // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37, вып. 1. С. 91–105. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.108>.
9. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 1 (А-О) / пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 1999. С. 144–145.
10. Кола Д. Политическая социология / пер. с фр. А. И. Кристаловского, Ю. А. Немешаева, А. А. Тарасевича-Скрыльникова. М.: Весь Мир, ИНФРА-М, 2001.
11. Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянова. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993.
12. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М.: Норма, 2008.
13. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред. Г. В. Осипов. М.: Изд. группа Инфра-М-НОРМА, 1998.
14. Urban commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка / под ред. М. Делленбо, М. Кипа, М. Бьеньек, А. К. Мюллер, М. Швегмана; пер. с англ. Д. Безуглова. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
15. Принудительные выселения. Изложение фактов // Права человека. 2014. № 25, rev. 1. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/FS25.Rev.1_ru.pdf (дата обращения: 06.07.2021).
16. Ерохин В. И. Города под водой: путешествие по затопленным берегам Верхней Волги. Тверь: Гранд-Холдинг, 2013.
17. Ерохин В. И. Русская Атлантида: путеводитель по затопленным городам Верхней Волги: Корчева, Калязин, Углич, Мышкин, Молога, Рыбинск, Пошехонье, Череповец, Весьегонск: фотоальбом. Рыбинск: Формат-принт, 2005.
18. Клопов А. С. Холодная война военного разведчика из Мологи. Из истории семьи, края, страны. Рыбинск: Изд. центр Рыбинского музея-заповедника, 2015.
19. В Рыбинске откроют виртуальный музей // Рыбинск. Официальный сайт Администрации городского округа. 02.06.2021. URL: <http://rybinsk.ru/news-2021/21700-v-rybinske-otkrojut-virtualnyj-muzej> (дата обращения: 09.07.2021).
20. Экспозиция по истории Мологского края. URL: <https://www.rybmuseum.ru/ru/expositions/exposition-of-mologsky-edge-history> (дата обращения: 09.07.2021).
21. Крылова З. Мологжане // Молога: литературно-исторический сборник. 1995. Вып. 1. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1995. С. 22.

22. Богомолов Н., Сусанин В. А мне бы в Мологу (песня) // Молога: литературно-исторический сборник. 1995. Вып. 1. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1995. С. 94.
23. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. М.: Практис, 2004.
24. Нестеров Ю. А. Сказание о Ярославском граде Китеже. Рыбинск: Рыбинский госуд. историко-архит. и художеств. музей-заповедник, 2017.
25. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с фр. А. Ю. Коннова. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
26. Говорящие волны / ред. А. С. Ашинов и др. 2-е изд., доп. Адыгейск: РИПО «Адыгея», 1999.
27. Ашинов С. М., Цапко В. Ф. Говорящие волны. Книга вторая. Документальное повествование. Адыгейск: Адыг. респ. кн. изд-во, 2005.
28. Распутин В. Повести. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989.
29. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок / пер. с англ. и под общ. ред. А. Б. Толстова. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

Информация об авторе.

Тхакахов Валерий Хазраилович – доктор социологических наук (2003), профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 70 научных публикаций. Область научных интересов: социология города, социология идентичности, социология Северного Кавказа. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4220-4648>. E-mail: atalik7@yandex.ru

REFERENCES

1. Preobrazhenskii, A.G.(1958), *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 2-kh t. T. II*. [Etymological dictionary of the Russian language: in 2 vol. Vol. II], Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, Moscow, USSR.
2. Google translator, available at: <http://translate.google.com/> (accessed 25.05.2021).
3. Boronoev, A.O. (2020), "The Concept of the Small Homeland: Definition and Content", *Society. Environment. Development*, no. 3, pp. 60–66.
4. Lefebvre, H. (2015), *La production de l'espace*, Transl. by Staf, I. Strelka Press, Moscow, RUS.
5. Castells, M. (2000), *The Information Age: Economy, Society and Culture*, Transl. by Shkaratan, O.I., in Shkaratan, O.I. (ed.), Higher School of Economics, Moscow, RUS.
6. Cresswell, T. (2014), *Place: An Introduction*, 2nd ed., Wiley-Blackwell, NY, USA.
7. Sztompka, P. (2010), *Socjologia Analiza Społeczeństwa*, Transl. by Chervonnaya, S.M. Logos, Moscow, RUS.
8. Boronoev, A.O. and Thakahov, V.Kh. (2021), "Concept of space of places in social sciences", *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 37, iss. 1, pp. 91–105. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.108>.
9. Jary, D. and Jary, Ju. (1999), *Collins Dictionary of Sociology*, vol. 1 (A–O), Veche, AST, Moscow, RUS, pp. 144–145.
10. Colas, D. (2001), *Sociologie politique*, Transl. by Kristalovskii, A.I., Nemshaev, Yu.A. and Tarasevich-Skryl'nikov, A.A., Ves' Mir, INFRA-M, Moscow, RUS.
11. Aver'yanov, Yu.I. (ed.), (1993), *Politologiya: Entsiklopedicheskii slovar'* [Political science: Encyclopedic dictionary], Izd-vo Mosk. kommerch. un-ta, Moscow, RUS.
12. *Sotsiologicheskii slovar'* [Dictionary of sociology] (2008), Osipov, G.V. and Moskvichev, L.N. (eds.), Norma, Moscow, RUS.
13. *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Na russkom, angliiskom, nemetskom, frantsuzskom i cheshskom yazykakh [Encyclopedic dictionary of sociology. In the Russian, English, German, French and Czech languages], (1998), Osipov, G.V. (ed.), Infra-M-Norma publishing group, Moscow, RUS.

14. *Urban commons. Gorodskie soobshchestva za predelami gosudarstva i rynka* [Urban commons: Moving Beyond State and Market] (2020), in Dellenbeau, M., Kipa, M., Bieniek, M., Müller, A.K. and Schwegman, M. (eds.), Transl. by Bezuglov, D., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.

15. "Forced displacements. Statement of the facts", (2014), *Prava cheloveka* [Human rights], no. 25, rev. 1, available at: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/FS25.Rev.1_ru.pdf (accessed 06.07.2021).

16. Erohin, V.I. (2013), *Goroda pod vodoi: puteshestvie po zatoplennym beregam Verkhnei Volgi* [Cities under water: travelling along the sunken banks of the Upper Volga river], Grand-Kholding, Tver', RUS.

17. Erohin, V.I. (2005), *Russkaya Atlantida: putevoditel' po zatoplennym gorodam Verkhnei Volgi: Korcheva, Kalyazin, Uglich, Myshkin, Mologa, Rybinsk, Poshekhon'e, Cherepovets, Ves'e-gonsk: fotoal'bom* [Russian Atlantida: a guidebook on the sunken cities of the Upper Volga river: Korcheva, Kalyazin, Uglich, Mushkin, Mologa, Rubinsk, Poshekhoniye, Cherepovez, Vesyegonsk: photobook], Rybinsk, Format-print, RUS.

18. Klopov, A.S. (2015), *Kholodnaya voina voennogo razvedchika iz Molog. Iz istorii sem'i, kraja, strany* [Cold war of an intelligence agent from Mologa. From the history of a family, region and country], Izd. centr Rybinskogo muzeya-zapovednika, Rybinsk, RUS.

19. A virtual museum will open in Rybinsk, *Rybinsk. Ofitsial'nyi sait Administratsii gorodskogo okruga* [Rybinsk. Official website of the City District Administration], 02.06.2021, available at: <http://rybinsk.ru/news-2021/21700-v-rybinske-otkrojut-virtualnyj-muzej> (accessed 09.07.2021).

20. *Ekspozitsiya po istorii Mologskogo kraja* [Exposition on the history of the Mologa region], available at: <https://www.rybmuseum.ru/ru/expositions/exposition-of-mologsky-edge-history> (accessed 09.07.2021).

21. Krylova, Z. (1995), "Residents of Mologa", *Mologa: literaturno-istoricheskii sbornik* [Mologa: literary-historical collection], iss. 1, p. 22. Rybinskoe podvor'e, Rybinsk, RUS.

22. Bogomolov, N. and Susanin, V. (1995), "I wish I were in Mologa (song)", *Mologa: literaturno-istoricheskii sbornik* [Mologa: literary-historical collection], iss. 1, p. 94. Rybinskoe podvor'e, Rybinsk, RUS.

23. Smith, A.D. (2004), *Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism*, Transl. by Smirnov, A.V., Filippov, Yu.M., Zagashvili, E.S. and etc., Praxis, Moscow, RUS.

24. Nesterov, Yu.A. (2017), *Skazanie o Yaroslavskom grade Kitezhe* [Legend of the City of Kitezh in Yaroslavl], Rybinskii gosud. istoriko-arkhit. i khudozhestv. muzei-zapovednik, Rybinsk, RUS.

25. Augé, M. (2017), *Non-Lieux. Introduction à une anthropologie de la surmodernité*, Transl. by Konnov, A.Yu., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.

26. *Govoryashchie volny* [Talking waves] (1999), 2nd ed., Ashinov, A.S. and etc. (eds.), RIPO "Adygeya", Adygeisk, RUS.

27. Ashinov, S.M. and Tsapko, V.F. (2005), *Govoryashchie volny. Kniga vtoraya. Dokumental'noe povestvovanie* [Talking waves. Book two. Documentary narration], Adyg. rep. book publishing house, Adygeisk, RUS.

28. Rasputin, V. (1989), *Povesti* [Stories], Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Irkutsk, RUS.

29. Cooley, Ch.H. (2000), *Human Nature and the Social Order*, Transl. by Tolstov, A.B., in Tolstov, A.B. (ed.), Idea-Press, Dom intellektual'noi knigi, Moscow, RUS.

Information about the author.

Valeriy Kh. Thakahov – Dr. Sci. (Sociology) (2003), Professor at the Department of Theory and History of Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 70 scientific publications. Area of expertise: urban sociology, sociology of identity, sociology of North Caucasus. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4220-4648>. E-mail: atalik7@yandex.ru